

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

КЛАССИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ПРОФЕССИОНАЛЫ

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов
Профессионалы

«ЭКСМО»

1986

Леонов Н. И.

Профессионалы / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1986 — (Гуров)

Известный российский сыщик Лев Гуров получает задание вычислить и нейтрализовать одного из профессиональных наемных убийц. Занимаясь поисками киллера, Гуров узнает, что высокопоставленные чины из властных структур, в свою очередь, ищут человека для осуществления политического убийства.

© Леонов Н. И., 1986

© Эксмо, 1986

Содержание

Дела семейные	5
Старший оперуполномоченный майор милиции Лев Иванович Гуров	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Леонов

Профессионалы

Дела семейные

Два мужественных, красивых парня смотрели друг на друга без всякой симпатии. Брюнет был во фракной паре, выбрит и причесан безукоризненно. Плечи блондина обтягивала покрытая пылью кожаная куртка, а сам он, наверное, с неделю не брился. И тем не менее они были похожи. И карие и голубые глаза смотрели холодно, отчужденно, были неподвижно прищурены.

– Мужчины делятся на две категории, – сказал блондин. – У одних есть оружие, у других его нет. – И всадил пулю оппоненту между глаз.

Видимо, калибр пистолета у блондина оказался подходящим, из простреленной головы брызнула кровь и залила стену. На белой стене кровь особенно алая.

И по законам боевика события завертелись стремительно. Завыла сирена, голубым грибом расплывался на крыше стелющегося по шоссе автомобиля бешено вертящийся фонарь, визжали на поворотах шины, казалось, пахнет горелой резиной.

Майор милиции, старший оперуполномоченный МУРа Лев Иванович Гуров любил американские боевики. Он в принципе уважал профессиональную работу, обращал внимание на каменщика, в руках которого кирпич становится послушным, на топор мясника, отрубаящего от замерзшей туши ровнехонькие, выверенные ломти.

Сегодня майор смотрел на экран видеомонитора без особого настроения, покосился на голубоватый профиль сидевшей рядом Риты, на лица гостей, которые вольготно расположились в просторной комнате. Две девушки, болтая джинсовыми ногами, лежали на шкуре медведя. Одна из них подняла стакан, в него тут же полилась искрящаяся струя воды.

Бутылку минеральной держал хозяин квартиры Олег Георгиевич Крутин – седой, элегантный, похожий на иностранца с рекламного проспекта.

И Гуров понял, отчего у него такое скверное настроение. Дело не в американцах, разбрызгивающих по экрану кровь, словно водичку. Он почувствовал, что сам находится на съемочной площадке или уже в отснятой ленте какой-то пошловатой маленькой истории. Девочки ждут партнеров, мужчины выглядят «последнюю любовь на один час», осторожничают, боятся промахнуться – свет от экрана обманчив. Скоро начнется второе отделение, лживая любезность, намеки, понятные только посвященным, скользкая губная помада, запах настоящих французских духов и пота.

Гуров накрутил себя до упора, сейчас пружина лопнет, наклонился к Рите, шепнул:

– Я жду тебя в машине.

На экране дрались и стреляли безукоризненно. Героя ударили ногой в челюсть, Гуров вздрогнул, хотел подняться, Рита удержала его за руку.

– Ты словно ребенок. Это же кино.

– У меня излишне богатое воображение.

Хозяин наполнил девушкам стаканы, допил бутылку из горлышка и сказал:

– Профессионалы они высочайшие, и никуда от этого не денешься, – умышленно изувечив слово, он скосил на Гурова хитрый глаз. – И мысли-то полторы, а актеры? Операторская работа? Все хай класс!

Гуров вспомнил, как блондин на экране выстрелил. Он не выхватил пистолет, не выдернул его из рукава, лишь коснулся бедра, и оружие оказалось в руке. Кинотрюк или тренированность актера? Лева почувствовал на себе взгляд Крутина и, подражая тону хозяина, ответил:

– Русь мы лапотная. Полиция у них – зависть берет. – Он снова взглянул на экран, где полицейские совершали обыкновенные чудеса, сказал: – Меня убили, и я иду на улицу, – и вышел из комнаты.

В спину стреляли, и Гуров болезненно поморщился, он не умел порой смотреть на экран глазами зрителя.

Следом за ним вышел и Крутин.

– Надоело? – спросил он без всякого вызова. – В жизни драка всегда омерзительна. Верно? – Он легко подтолкнул Гурова в просторную кухню, открыл холодильник, похожий на тот, что недавно показывали на экране.

Гуров пожал плечами, ничего не ответил.

После полумрака гостиной и мертвого света от телеэкрана, в кухне казалось неестественно светло. Кафель стен, белизна холодильника и электроплиты, сверкающие прозрачные бокалы создавали впечатление, что мужчины оказались в операционной или лаборатории.

В эту квартиру Гуров пришел впервые. Все последние дни за завтраком и ужином Рита напевала завлекательные куплеты, рассказывала о некоей подруге, дядя которой просто обаяша, и если бы майор Гуров не соблазнил ее, дурочку, то Рита, возможно... Тут она замолкала, поглядывая настороженно, проверяя, не перегнула ли. Лева кивал, ожидая продолжения, и куплеты продолжались. Словно на снимке, лежащем в ванночке, четче и четче вырисовывались контуры готовящейся западни. Оказалось, что дядя проездом, точнее, пролетом из Рио-де-Жанейро осчастливил своим присутствием Москву. У обаяши прекрасный видео и великолепные кассеты, все это законно-презаконно, так как дядюшка дипломат, – и Рита смотрела на потолок.

Гуров проработал в розыске двенадцать лет, терпения ему не занимать, слушать он умел, молчал, как гроссмейстер в матче на первенство мира.

Следующий ход Риты был прост и потому безотказен.

– Ты меня еще любишь? – спросила она и продолжала: – Ты умный, тактичный, взрослый любящий муж и должен прощать легкомысленной жене ее слабости. Завтра вечером мы идем к моей подруге смотреть американский боевик.

– Ну, наверное, мы идем не к подруге, а к ее дядюшке, который «самых честных правил», – уточнил Гуров, признавая себя побежденным.

Казалось бы, зачем устраивать сложную подготовку столь, казалось бы, невинному предложению? Ну и пойдем в гости, и посмотрим фильм, и делов-то? Но Рита уже приобрела в данном вопросе некоторый опыт. И хотя большинство женщин не извлекает опыта из прошлого и не делает никаких выводов на будущее, Рита принадлежала к меньшинству.

В Москве начиналась видеоистерия. Она охватывала далеко не все миллионы населения столицы. Люди ходили в театры и кинотеатры, в концертные залы и спортивные залы, в консерватории и планетарии, посещали библиотеки, некоторые даже читали в одиночестве. Функционировал и простой телевизор, программа которого выходит по пятницам и предупреждает, что на следующей неделе «наша ледовая дружина», либо «Спартак», либо фильм, который... Ну, не стоит вспоминать и расстраиваться. Телевизор есть в каждой семье, и каждый волен его не включать.

Да, существовали еще отдельно взятые, все реже встречающиеся, они боролись с законом... сами знаете, каким. У них не оставалось на видео времени, так как очереди длинные, а после не то что в «ящик», в окно смотреть сил нет.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что видеобольная подхватила не все. Рита временами лишь слегка температурила, так, легкое недомогание, при котором больничный не выписывают, а рекомендуют горячий чай с медом.

Гуров, естественно, был в курсе, но взглянуть на чудо все времени не хватало. Профсоюзную организацию в МУРе до сих пор не учредили, защищать права оперсостава надлежало

начальникам, которые сами порой уходили из кабинетов то ли затемно, то ли засветло, не разбираешь.

Несколько раз Рите удавалось доставить мужа в квартиры с видеомониторами. Однажды смотрели «Белоснежку», но копия оказалась не из первой пятерки, Лева удовольствия не получил.

А последний просмотр Рита не могла забыть долго, точнее, не забывала никогда. Изображала, что ничего тогда не произошло. А было... Было...

Пришли к подруге. После замужества у Риты остались знакомые лишь женского пола, другие, парни из ее девичьего прошлого, испарились. А может, их никогда и не существовало? Муж подруги, гладкий и услужливый, включил видео, собралось человек десять, смотрели очень приличный фильм, пили чай, некоторые из гостей часто выходили на кухню, настроение повышалось. Рита заметила, что Лева сначала хмурился, затем начал улыбаться, она эту улыбку не любила. Нет, она, возможно, и полюбила Гурова за открытую обаятельную улыбку, но была у него другая, особенная, с появлением этой улыбки менялся и голос, становился тихим, вкрадчивым, опасным.

Фильм кончился, кто-то захлопал, хозяин поклонился, а Лева тихо сказал, мол, телевизор великолепный, изображение прекрасное. Хозяин вновь поклонился и начал объяснять, какой фирмы аппаратура, сколько она стоит там, сколько здесь, цифры назывались астрономические. Лева взял Риту под руку, поблагодарил за доставленное удовольствие, сказал, что завтра ему в первую смену, и, выходя к дверям, шепнул хозяину: «Проводи». Переход на «ты» Рита слышала, разговор на лестничной клетке – нет, так как муж сжал ей локоть и попросил спуститься, подождать на улице. Беседа состоялась короткая.

– Наследство не получал? Нет, – сказал утвердительно Гуров. – За рубежом длинные годы не вкалывал. На улице ничего не находил. Десять лет не ел, не пил? Нет. Значит, воруешь.

– Однако на брудершафт не пили мы. Вы из ОБХСС? – попытался оштетиниться хозяин.

– Я на другом этаже, – ответил вкрадчиво Гуров. – Арестуют и все отберут. Не завтра, так послезавтра. Живи и жди, наслаждайся. – И сбежал по лестнице к Рите.

Позже позвонила рыдающая подруга. Рита и вспоминать тот разговор не хочет, больше они не виделись. Молодые супруги сутки не разговаривали. Двенадцатилетняя Ольга, о ней расскажем позже, расхаживала по квартире, словно сестра милосердия, и ухаживала за ними, наконец изрекла:

– Надоело, иду в кино. Садитесь за стол переговоров, войны отменены. – И, заграбастав из общей кассы полтинник, исчезла.

Стол переговоров стоял на кухне.

– Гуров, ты прост, как штыковая лопата, – подражая мужу, Рита говорила вкрадчиво, бархатным голосом. – Давай жить еще проще. Дай мне чистые анкеты отдела кадров. Когда нас приглашают в гости, я хозяев квартиры попрошу анкету заполнить. Ты проводишь соответствующую проверку и принимаешь решение.

Гуров, естественно, уже размышлял над вопросом, почему он в тот раз сорвался? Вроде бы жулика увидел не впервые. В «Двенадцати стульях» есть такой персонаж – застенчивый воруа Альтен. Корейко тоже свои миллионы прятал, жил скромно, на зарплату. Сегодня стали встречаться люди, которые «левые» деньги не скрывают, мало того, они пытаются нагромоздить горы вещей: дач, машин и прочее – и, втиснув пальцы в золотые перстни, оттянув своим женщинам уши бриллиантами, вылезти на всеобщее обозрение, подняться над «деловыми», которые жить не умеют. Появилось ворье воинствующее, утверждающее себя как элиту рода человеческого. Обо всем этом Гуров промолчал.

– Конечно, Ритка, мир не переделаешь и всех жуликов не пересажаешь, – ответил Гуров, – я не решаю вопроса, быть или не быть войнам. У меня есть свои принципы, возможно, они неудобны, но они есть. Служба моя к ним никакого отношения не имеет.

– Прекрасно! – Рита театрально всплеснула руками. – Необитаемых островов нет... Давай уедем в тайгу. Там ни души. Но ты останешься без работы, и чего мы жрать будем? Ты ведь, кроме этого, – она обхватила запястье, изображая наручники, – ничегошеньки?

Гуров встал, чмокнул жену в висок и рассмеялся.

– Надо зажечь свечи. Спустя годы станем рассказывать, что первая семейная сцена происходила при свечах.

Они запомнили свою первую ссору, и когда Рита наконец решила вытащить мужа на очередной просмотр, готовилась тщательно. Она, не заполняя анкеты, выясняла, кто хозяин, что, где, когда, откуда и на какие шиши привезено.

Гуров понимал, что его поза по отношению к видео только смешна. Еще не прошло и ста лет, как люди перестали бороться с электричеством. Пройдет сколько-то лет, и видеомангитфон заменит телевизор, появится практически в каждой семье.

Лева приглашение принял и дал себе слово молчать при любых обстоятельствах. Но эти кровавые подвиги на экране, которые совершали его, Гурова, коллеги? Они другой национальности, живут в другом обществе, но они – детективы. Их профессия защищать человека от зла, а они... Впрочем, все это глупости, он, майор Гуров, стал несдержан, распустился. Он злился на себя, войдя с хозяином в кухню-лабораторию, услышал за спиной выстрелы и сказал:

– В большинстве случаев я человек сдержанный.

– Вся наша жизнь состоит из случаев, – усмехнулся Крутин.

Они стояли друг против друга, оба высокие, хорошо сложенные, но если Гуров был в джинсах и рубашке с небрежно закатанными рукавами, то Крутин казался безукоризненно выжужженным, о складку его брюк, как говорится, можно было обрезать. Лева выглядел на свои тридцать с небольшим. Возраст Крутина было определить трудно, юношеская стройность, гибкость при густой седине сбивали с толку, а лукавые, чуть прищуренные глаза не желали выдавать правду.

Только Лева подумал, что они напоминают ту пару, из боевика, как Крутин сказал:

– Слава Богу, вы не при оружии.

Он достал из холодильника банку сока, ловко вскрыл, наполнил тут же запотевшие стаканы.

Крутин нравился Гурову и раздражал своей легкостью, чужеродностью. Хозяин рассматривал его с откровенным любопытством и улыбался.

– У вас романтическая профессия. – Крутин поднял стакан, кивнул. – Верно?

– Романтическая? – Гуров задумался.

Лет десять назад он полагал, что отвечать следует мгновенно. Сегодня, услышав вопрос, он в большинстве случаев словно предмет брал в руки, вертел, разглядывал, лишь потом отвечал. Манера эта, как правило, людей раздражала. Крутин смотрел лишь с лукавой иронией.

– Работа, – подвел итог своим размышлениям Гуров.

– Вы ведь из хозяйства Турилина, – снова улыбнулся Крутин.

«Улыбается, улыбается, словно японец», – подумал Гуров, увидел выглядывающую из гостиной вихрастую голову жены, тоже улыбнулся, махнул рукой:

– Сиди, женщины любят смотреть, как мужики дерутся. – И чтобы Крутин не принял его слова за предложение мира и дружбы, повернулся, взглянул на хозяина оценивающим взглядом, сказал: – А вам, Олег Георгиевич, неловко выговаривать слово «хозяйство». Оно из военного прошлого, вам в те годы лет двенадцать было.

В словесную дуэль с дипломатом Гурову вступать не следовало – Крутин легко пропустил выпад противника, будто не слышал, и сказал:

– Бандиты. Пистолеты. Ножи.

Парень его забавлял своей серьезностью, и Крутин решил встряхнуть его, обнажить суть, для этого следует рассердить.

– Случается, – решив подыграть, ответил Гуров, затем добавил: – Редко, – и с надеждой посмотрел на дверь, из-за которой действительно стреляли.

«Нет уж, паренек, ты так легко не отделаешься», – усмехнулся Крутин про себя и серьезно, мобилизуя все свои артистические способности, сказал:

– Жизнь рискуете, – он даже перегнулся через стол, – часто?

– Мне не приходилось, – ответил Гуров. – А в принципе опасность нашей профессии в другом.

– В чем? – быстро спросил Крутин.

– Не скажу, – так же быстро ответил Гуров.

– Почему? – удивился Крутин. – Секрет?

– Из вредности не скажу.

Гуров употребил одно из любимых выражений жены, зная по опыту, что возразить на него крайне трудно.

И Крутин действительно несколько опешил, развел руками, вновь оглядел Гурова, решая, с какого бока подступиться к нему.

Из гостиной последний раз выстрелили, послышались голоса. Первой на кухне появилась Рита, взяла Гурова под руку, заглянула в лицо, поняла, что муж не сердится, и тут же перешла в наступление:

– Вся рота идет не в ногу, один поручик в ногу.

– Два поручика. – Гуров кивнул на Крутина.

– Олег Георгиевич не поручик, а хозяин.

В машине – Гуров ездил на «Жигулях» отца – Рита продолжала:

– Скажи, ты не можешь высидеть у телевизора два часа? Сплошные демонстрации. Все-таки рядом люди, а Олег Георгиевич – так само очарование. Невероятно, но ты ему понравился.

– А он мне – нет, – ответил Гуров. – Молодящаяся женщина еще терпима, но молодой мужчина...

– Он не молодой, а молодой, – перебила Рита. – А вот ты порой старый.

– Старый муж, грозный муж, – запел Гуров, попытался поцеловать жену, но не дотянулся, машина вильнула. – Я больше не буду.

– Врешь.

– Ты же знаешь, что я вру лишь в крайних случаях, – ответил Гуров.

Как вам не стыдно, Лев Иванович? Взрослый человек, а врете. Олег Георгиевич скорее вам понравился, чем не понравился. И американские детективы вы смотреть любите. А сегодня вы просто не в духе. Так в чем виновата молодая жена? Да вы, Лев Иванович, оказывается, женаты? Вот интересно, жил столько лет холостой, возраст Иисуса Христа миновал, и на тебе – женился.

В принципе Гуров жил в достаточно быстром темпе. Но когда он вернулся из далекого города за Уралом, где находился в командировке, раскрыл два преступления и познакомился с замечательными людьми из страны Большого Спорта, жизнь Гурова понеслась просто вскачь. Вроде как посадили человека впервые в седло, стеганули коня и решили взглянуть, что получится.

Началось все с беды – умерла Клава. Когда Гуров прилетел, старая домоправительница уже лежала в реанимации. Двустороннее воспаление легких, возраст и... похороны. Отец надел парадную форму и все ордена, пришли его друзья, казалось, что хоронят не старую домработницу-крестьянку, а боевого командира. Не подушечку с орденами – люди несли свою память, благодарность русской женщине, отдавшей всю свою любовь детям.

Гуров тоже был в форме, которую надевал раз или два в год, его скромные майорские погоны затерялись в золоте генеральских погон. Он все пытался вспомнить Клавину фамилию и не вспомнил, а спросить у матери постеснялся.

Дом Гуровых походил на брошенный капитаном корабль. Отец, мать и Лева тыркались у холодильника, у них все время чего-то не оказывалось: то масла, то яиц, обед вообще отсутствовал. Наконец они узнали, где какой магазин, прачечная, химчистка... Когда они распределили между собой обязанности старой домоправительницы и хватило каждому и еще немного осталось, навалилась тоска. Жила единая, прочно сцементированная семья. И вдруг в квартире оказалось три отдельных человека. Они знали и любили друг друга, но годами решали мелкие конфликты через Клаву. Ее не стало, пришлось замыкаться напрямую, выяснилось, что это отнюдь не просто. Появился какой-то холодок отчужденности, мать пыталась заменить Клаву, разговаривала за столом неестественно оживленно, шутки ее были порой неуместны и мужчин раздражали.

Только жизнь начала налаживаться, как выяснилось, что родители играли слевой в жмурки, глаза были завязаны только у него. Оказалось, что они давно уже оформляют документы, мама уходит на пенсию и с отцом уезжает на годы за рубеж.

Лева чуть обиделся, повоевал с самолюбием и после трехдневного молчания воскресным утром пришел в кабинет к отцу:

– Разрешите, товарищ генерал-лейтенант, обратиться по личному вопросу?

Отец отложил газеты, улыбнулся и заговорщицки подмигнул. «Да он еще молодой мужик, – подумал Лева. – Пятьдесят семь, не курит, не пьет, лыжи, бассейн. Седины чуть-чуть, а вот глаза выдают. Подустал ты, генерал, сын у тебя сыщик, от него не спрячешься, можешь улыбаться до послезавтра, глаза лгать не умеют».

– Счастливый ты человек, Лев Иванович, – сказал отец. – Через три недели проводишь и свободен. Капитан, штурман, ну и, конечно, загребной. Твое решение – это твое решение, со всеми вытекающими последствиями.

– Да, я понимаю, – сказал Лева. – Только почему не предупредили?

– А ты либо проглоти, либо выплюни, а за щекой не держи, – сердито ответил отец. – Мы хотели как лучше, кто же знал, что Клава... – Он сам натуженно сглотнул. – Ты когда женишься? Где твоя вихрастая-глазастая?

– Она решает...

– Что значит решает? – Отец поднялся, отшвырнул кресло. – Возьми на руки и отнеси! Ты – Гуров! Черт тебя побери! Она решает!

Если бы отец умел, то обязательно бы всплеснул руками.

Лева не сказал, что заявление подано три месяца назад и регистрация назначена на послезавтра.

– Вы свободны, майор. Выполняйте. – Отец опустил в кресло и вернулся к газетам.

Два дня назад Рита хотела идти в дискотеку, которую Гуров не любил, сказывалась солидная разница в возрасте. Девушка расценила поведение Гурова как эгоизм и посягательство на ее свободу, заявила, что выйдет замуж за Кащея, который слыл парнем общительным.

Гуров не звонил. Рита тем более, а послезавтра превратилось в сегодня. Гуров взял свою опергруппу и служебную «Волгу», приехал к Рите, отобрал паспорт, занял ее руки охапкой роз, и через два часа все было кончено.

Свадьбу не гуляли, обедали в ресторане человек пятнадцать, не больше. Заехали на часок генерал Турилин и начальник отдела полковник Орлов.

Положенные на женитьбу отгулы Гуров с Ритой провели на даче.

За день до отъезда отец пригласил Леву в кабинет и сказал:

– Государство квартиру выделило мне, и я заплатил за год вперед, – и выложил на стол квитанции. – «Жигуленок» остается тебе, вот дарственная. Я буду звонить тебе сам. Жену

люби, дари цветы, уступай во всем и держи в строгости. Ну, в дорогу! Это я говорю не себе, а тебе, майор. Я давно в пути.

Пока родители не уехали, Лева не понимал и не ощущал их места в своей жизни. В семье не сюсюкали, отношения были внимательные, но сдержанные. Вечерами, если встречались за чаем, усталые, говорили о постороннем. Серьезные разговоры велись в воскресенье за завтраком, что тоже случалось не чаще раза в месяц.

Со смертью Клавы прежний мир Левы Гурова раскололся, а после отъезда родителей перестал существовать. Предстояло строить новый, на пустом месте. Имеется в виду мир духовный, с материальной базой у Гурова было все в порядке, да и воспитали его так, что потребности у него минимальные.

Рита по квартире ходила притихшая, поглядывала на мужа настороженно. В университет она уходила раньше, чем Гуров на работу, оставляла ему завтрак на кухонном столе. Первые дни они почти не разговаривали, подавленные своей свободой и ответственностью за каждый свой поступок. Гуров и не подозревал, насколько он в доме опекаем, оттого зависим и беспомощен. На работе он был старший оперуполномоченный майор Лев Иванович, его любили и не любили, но в МУРе все его знали, считали человеком решительным, волевым, в последнее время излишне жестковатым.

Все проходит, и вскоре Рита – она освоилась первой – защебетала, стала носиться по квартире с тряпками, бесконечно вытирая, подметая, переставляя и перевешивая с места на место. Она указала мужу, в какой ящикек должна складываться ее «огромная» стипендия и его «мизерная» зарплата, в какой вазочке круглый год будут стоять цветы – пусть одна ромашка или веточка ели. И Гуров почувствовал себя в седле увереннее, подхватил поводья и мягко, а порой и не очень двинулся дальше, в жизнь.

Она, эта жизнь, тем и прекрасна, что горизонты ее не просматриваются и повороты непредсказуемы. Однажды вечером Рита, опустив ресницы, сказала:

– Беда, майор. Ты главный, скажи, что делать?

Женщины точно знают, когда муж главный. Лева к разговору подготовился давно, поцеловал жену и деланно-беспечным тоном изрек:

– Прекрасно, будем рожать!

– Ты главный и глупый, – вздрогнула Рита. – Вопрос значительно сложнее.

Что у родителей Риты неурядицы, Гуров знал, но не вникал в подробности. Отец ушел, у матери новая семья, что-то еще, в общем, запутано и непонятно.

Рита объяснила.

Пропуская двадцать страниц текста, скажем лишь: Гуров узнал, что у жены есть сводная сестра, которую Рита обожает. Жизнь у сестренки, мягко выражаясь, не сахар, а точнее – кошмар.

– Так что делать, майор? – Рита смахнула слезу.

Большинство женщин способны совершенно искренне всплакнуть в нужный момент.

– Сколько лет?

– Двенадцать.

– Забирай, будет жить с нами, – заявил майор Гуров, старший оперуполномоченный, а потому человек, привыкший решать неприятности по мере их поступления.

– Левушка? – Рита взглянула испуганно. – Ты в детстве не болел, головкой не стучался?

– Я в десять лет вступил в общество защиты малолетних, – ответил Гуров. – Выполняйте.

– Никогда! – Глаза у Риты были сухие, взгляд решительный. – Ты знаешь, кто есть Ольга?

– Прекрасное имя.

– Ты ведь О'Генри любишь... «Вождь краснокожих», конечно, помнишь. Тогда ты имеешь приблизительное представление, кого ты собираешься привести в свой дом.

– Не пугай! – повысил голос майор. – Сказал, забирай, и точка.

– Щенка возьмешь и то уже через день за дверь не выкинешь. Опомнись, муж, ты обрекаешь себя.

– Я уже обречен. Петля захлестнулась, когда встретил тебя, в загсе у меня выбили из-под ног табурет.

– Ну, если ты настаиваешь... – Рита пожала плечами.

Вот так с нами, мужиками, следует обращаться. Учитесь, девушки. Никогда ничего не просите, тем более не требуйте. У каждого из нас есть болевые точки, нужно их знать, чуть-чуть надавить, быстренько отпустить и начать защищаться. А уж мы своего добьемся, мы любим властвовать.

Признаюсь, Гуров разгадал игру жены и, подыгрывая, вел свою партию. Быть умным и великодушным приятно каждому нормальному мужику.

На следующий день, когда Гуров вернулся с работы, из-за стола вышла девочка, почему-то сделала книксен и сказала:

– Здравствуйте. Добрый вечер. Меня зовут Ольга.

– Здравствуй, рад тебя видеть, – ответил Гуров, не ожидавший, что его приказ будет исполнен столь молниеносно.

Рита чмокнула мужа в щеку и исчезла на кухне.

Гуров не видел жену в отроческом возрасте, но, разглядывая Ольгу, решил, что именно такой она и была. Не глаза, а глазички, льняные вихры, дух противоречия, чуть прикрытый иронией и смирением. Последнее могло обмануть только человека, твердо решившего быть обманутым во что бы то ни стало.

Итак, Гуров разглядывал девчужку и решал, кем же ему по родственному прејскуранту приходится сестра жены.

Ольга спокойно, неторопливо обошла стол, встала в центре комнаты, подняла и опустила руки, начала медленно поворачиваться, давая возможность полного обзора собственной персоны.

– Сейчас схлопочешь по заднице. – Гуров привстал с дивана. – Считаю до трех, а уже два с половиной.

Ольга юркнула за стол и заявила:

– Вы мне нравитесь. Как мне вас называть?

– Ну, во-первых, на «ты». Я не терплю амикошонства, но жить нам вместе долго, и ты будешь взрослеть, а я стареть не собираюсь. В отношении имени? – Гуров задумался: – Лев Иванович отпадает, когда меня зовут Лева и тем более Левушка, я терпеть не могу. Если ты будешь называть меня Гуров либо майор...

– Либо я придумаю, – вставила Ольга. – Я не люблю обращения Олюшка, все остальное годится.

Гуров остановил машину у дома, выскочил, распахнул дверцу перед Ритой, помог выйти.

– Не подлизывайся. – Рита отстранилась. – Запри машину, завтра сам искать будешь.

– Не мой профиль. – Лева запер машину. – Ленька Завьялов будет искать.

Еще не открыв дверь, они услышали грохот, визг, казалось, в квартире репетирует обезьяний джаз.

– Не волнуйся, – сказала Рита, поджимая губы.

Гуров достал ключи, отстранил жену и вошел в квартиру. Здесь все казалось в порядке. Работал телевизор, стоявший на обеденном столе, магнитофон был включен на полную мощность. Ольга, поджав ноги и насупившись, сидела в кресле и читала книгу. Девочка не слышала ни рева музыки, ни прихода старших.

Гуров быстро выключил агрегаты, тишина наступила полная, для города неестественная, какая бывает только в горах, потому что в лесу все время что-то шелестит и щебечет. Вскоре тишина кончилась, на квартиру навалился привычный шум города, все встало на свои места.

– Да здравствует свобода! – изрек Гуров и поднял руки.

Вопрос, как обращаться к мужу сестры, Ольга решала долго. И какое-то время Лева существовал в ее лексиконе безымянным. «Здравствуй», «спасибо», «будь любезен» и т. д. Как-то Гуров разобрал свой письменный стол, выкладывал бумаги, Ольга вертелась рядом, заглянула через плечо и прочла: «Старший инспектор Л. И. Гуров награждается...»

– Так ты инспектор? – спросила Ольга.

Гуров стал объяснять, что их время от времени переименовывают. Были оперуполномоченными, стали инспекторами, затем вернулись...

Ольга не слушала, смотрела отсутствующе, затем вытянула руку, ткнула его в грудь пальцем и сказала:

– Инспектор.

И с тех пор она очень редко называла Гурова иначе, если обижалась или сердилась, то – Лев Иванович, когда хотела съехидничать, звала Левушкой.

– Инспектор, – Ольга отложила книгу, – сколько за убийство дают? – Не дождалась ответа, спросила – Чего так рано? Опять поссорились? – прищурившись, оглядела Гурова. – Ты, конечно?

Гуров кивнул, развел руками.

– Прощения просил?

Он снова кивнул.

– Выбрала себе семейку, нечего сказать. – Ольга подмигнула.

Лева с Ольгой сразу стали друзьями и союзниками. Естественно, что время от времени они ссорились. Лева обладал неоценимым для детей качеством, держался с ними на равных. Он не подделывался под Ольгу, искренне считал ее взрослой, умной, равной ему, просто менее опытной и информированной. Лева относился к девочке уважительно, требовал такого же отношения к себе, не терпел капризы. Если он был Ольгой недоволен, то замолкал, отвечал односложно либо лишь пожимал плечами.

В отношениях инспектора с женой Ольга выбрала себе роль классной дамы-наставницы, что молодых супругов вполне устраивало.

Разыгрывающийся спектакль был отлично отрепетирован.

Гуров протянул девочке руку, Ольга его ухватила за кисть и повела на кухню, где Рита уже гремела посудой. Усадив Гурова за стол и расставляя тарелки и чашки, Ольга начала фило-софствовать:

– С недостатками, конечно, но в общем и целом... – Она состроила гримасу. – Опять же, мы его любим. С данным фактором тоже приходится считаться...

– Приходится, приходится. – Рита поставила на плитку чайник.

Гуров знал, что такое счастье, и улыбался.

Старший оперуполномоченный майор милиции Лев Иванович Гуров

Черная «Волга» неслась по пустынным улицам просыпающейся Москвы. Мелькали одинокие фигуры то ли загулявших, то ли возвращавшихся с ночной работы людей. Где-то прогремел, словно из далекого прошлого, первый трамвай, безнадежно боровшийся за существование, за свои рельсы в центре города, которые выкорчевывали вместе со шпалами, замазывая дыры асфальтовыми заплатами.

Гуров сидел рядом с водителем. На заднем сиденье расположились двое из его группы. Майор Василий Иванович Светлов готовился отметить шестидесятилетие и планировал свою свободную жизнь «как у людей». Лейтенант Боря Вакуров позавчера закончил университет и мечтал... Боря о своих мечтах не распространялся.

Группа ехала на задержание и обыск, работу эту Гуров крайне не любил. Исключения составляли ситуации, когда задерживали особо опасного, уже проявившего свою кровавую, мерзкую сущность. Тогда, появляясь на рассвете, вырывая преступника из сна, Гуров ощущал себя посланцем Справедливости.

Сегодня по распоряжению прокуратуры брали соучастника. Убийство произошло, труп в морге, убийца в тюремном изоляторе. Парень, за которым группа ехала, в преступлении замешан. Гуров считает, что задерживать его преждевременно, обыск практически ничего дать не может. Но сколько людей, столько и точек зрения, а задерживать или не задерживать, в большинстве случаев решает прокуратура. И старший оперуполномоченный ехал. Все, что произойдет, знал наперед и кривился, как от зубной боли.

Он, открыв папку, просматривал служебные бумаги, хотя отлично знал, что все печати и подписи на своих местах.

Майор Светлов, расстелив на коленях салфеточку, завтракал, прихлебывая из термоса. Боря Вакуров старался сидеть спокойно и солидно, однако ерзал, поглядывая то в окно, то на Гурова, то на часы. Возможно, он полагал, что они могут опоздать.

На самом деле Гуров для страховки выехал часа на полтора раньше и из-за этого сейчас разбудит ни в чем не повинных людей. И лучше приехать и разбудить, чем приехать через минуту после того, как человек ушел. Оправдаться перед собой Гуров не сумел, захлопнул папку и скривился еще больше.

Светлов вытер салфеточкой помидор, протянул Вакурову.

– Спасибо, Василий Иванович, – Боря отрицательно покачал головой.

Светлов пожал вислыми плечами, откусил половину помидора.

– А мы не торопимся, Лев Иванович? – спросил он, вытираясь салфеткой и аккуратно укладывая остатки еды в сумку. – Глоток кофе хочешь?

Старый оперативник в присутствии третьих лиц звал Гурова по имени-отчеству, а при начальстве даже на «вы». Он, человек опытный, понимал, что сейчас они всполошат людей и вытянут пустышку. И вполне мог он с Гуровым и не разговаривать, а просто обмениваться мыслями либо поболтать сам с собой. Но уж больно тягостная получалась атмосфера, и Светлов переспросил:

– А не торопимся?

– Поручение следователя. – Гуров взял у Светлова крышку термоса, выпил. – Спасибо, – и взглянул на Светлова – мол, отстань ты от меня за-ради Бога.

– Поручения надо выполнять, – рассудительно произнес Светлов, прикидываясь протачком. – Можно сегодня, а можно и послезавтра. – Он вздохнул, покосился на Борю.

Машина остановилась у нового четырехэтажного дома.

На тахте, укрывшись с головой, спал человек. Светлов одной рукой взялся за угол подушки, другой за одеяло и одновременно дернул в разные стороны.

– Не надо! – прошептала босоногая, кутавшаяся в халат женщина.

Спавший, худой парень лет двадцати, подтянув коленки, сжался, пошарил рукой в поисках одеяла, промычал нечленораздельное. Парень, с его синими острыми плечами и коленками, выглядел несчастным и беззащитным. Мать всхлипнула, взглянула на Светлова ненавидяще.

По оперативным данным, у группы имелся пистолет, который пока не изъяли. А случаи, когда «мирно спящий» стреляет из-под одеяла или подушки в живот оперативнику, к сожалению, известны. Пусть шанс невелик, пусть ничтожен, но никто не желает его поймать.

Светлов знал, как выглядит в глазах матери, но ничего объяснить ей не мог. И все же, бросив одеяло и подушку в угол дивана, он сказал:

– У меня трое детей, Клавдия Борисовна.

За столом, отодвинув грязную посуду, Гуров с отсутствующим видом раскладывал документы. У двери Боря Вакуров поставил два стула, усадил понятых.

– У него под подушкой всякое может быть, Клавдия Борисовна, – продолжал свою бессмысленную речь Светлов. – А моим отец нужен, так что извините за грубость.

Женщина его не слышала, Гуров не слушал, понятые еще не проснулись, так что аудиторию представлял лишь лейтенант Вакуров, который старого майора осуждал.

– Боже мой! – женщина трясла сына за плечи. – Сереженька, проснись, к тебе пришли.

«С визитом!» – добавил про себя зло Гуров, заполняя протокол.

– Гони, мать! – парень потянулся за одеялом.

Гуров отметил, что парень уже проснулся и бутафорит, взглянул на Светлова, который со вздохом опустил на стул и следил за «спящим» – мало ли чего, в окно сиганет с третьего этажа либо за тяжелый предмет схватится, всякое видели.

– Клавдия Борисовна, подойдите, пожалуйста, – сказал Гуров. – Вот постановление на производство у вас обыска. Ознакомьтесь. Вот здесь распишитесь. – Он подвинул документы.

Бумаги к столу прилипали, в комнате было душно, пахло кислым, прогорклым, нездоровым.

– За что? – Женщина не двигалась, затем махнула вялой рукой, подошла, опустилась на стул. – Мальчик, хороший мальчик. Ну, выпьет иногда. А вы думаете своим указом всех враз... Вы сами-то что? Не употребляете?

Женщина привстала, наклонилась к Гурову, он невольно увидел вислые дряблые груди и отвернулся.

– То-то же, святые!

Неожиданно распахнулась дверь соседней комнаты, на пороге остановилась девушка. Она, в отличие от брата и матери, смотрелась крепенькой и чистой, на круглой мордашке – румянец, только голос у нее оказался визгливый, истеричный:

– Все? И никаких тебе разменов! Прекрасно! Надеюсь, надолго забираете?

– Ах ты, сучка! – парень перестал прикидываться и сел. – Брата единокровного! Ошибочно!

– Это ты ему скажи! – Девушка кивнула на Гурова, угадывая в нем главного.

– Я вас попрошу, – сказал Гуров тихо, но все тут же замолчали, – Сергей Семенович, оденьтесь. Вас и вас, – он перевел взгляд с матери на дочь, – я попрошу к десяти подъехать в управление. Повестки. – Он положил на стол две повестки.

– За что? За что забираете? – закричал парень, вздувая жилы на худой шее.

– Мы обсудим данный вопрос в кабинете, где ждет следователь прокуратуры. – Гуров отлепил от стола папку, перелистнул бумаги: – Постановление о вашем задержании. Понятые, внимание. Сейчас мы приступим к обыску.

– Что искать-то будете? – спросила мать. – Вы скажите, я сама вам отдам.

Гуров взглянул на женщину испытующе, задумался. Они долго смотрели друг на друга, он – устало, она – вызывающе.

– Верхнюю одежду сына... Рубашку, пиджак, куртку, брюки в последние три дня не стирали? – спросил Гуров.

– Мама, – словно ребенок, прошептал парень.

И мать откликнулась, закричала:

– Нет!

Она солгала так неумело, что Гуров отвернулся, сказал:

– Все правильно. – Кивнул Вакурову и Светлову: – Приступайте.

Обыск – процедура для всех, мягко выражаясь, неприятная. Сотрудникам не доставляет удовольствия открывать чужие шкафы и комоды, лезть в интимный мир, вытаскивать на всеобщее обозрение вещи порой смешные, ненужные, давно забытые. Отделять мужские рубашки от женских блузок, выяснять, чей это свитер и кто надевал его в последний раз.

Лишь понятые порой следят за обыском с нездоровым любопытством, вытягивают шеи, привстают с места, пытаясь разглядеть, что еще достали из ящика, что припрятали соседи интересного и запретного?

Очень часто ничего интересного и запретного не обнаруживается. Хозяева квартиры о некоторых вещах, хранящихся неизвестно зачем, давно забыли. Когда такие реликвии извлекают на свет Божий и начинают разглядывать, всем становится неловко.

Боря Вакуров вытащил из шкафа нижний ящик, девушка рванулась к нему, крикнула:

– Не трогайте! Это мои вещи!

Боря поднялся и встал у девушки на пути, она его толкнула, хотела обежать, он пассивно, но упрямо преграждал ей дорогу и пытался встретиться взглядом с Гуровым.

«Тебе бы пора уже самому разрешать такие ситуации», – подумал Лева, хотел было выждать и не вмешиваться, но понял, что его молчание как бы одобряет поведение девицы, и сказал:

– Не мешайте, Ирина Семеновна. – Выдержал паузу, пока девушка не фыркнула и не отошла: – Работайте, лейтенант, – и отвернулся.

– Интересная у вас работа, в чужом белье копать.

Боря доставал из ящика женские кофточки, трусики, лифчики.

– Может, вам показать, где грязное лежит? Заодно и простирнете.

– Это интересно, лейтенант, взгляните, где там грязное белье. – Гуров не сводил взгляда с одевающегося парня, который при последних словах втянул голову в костлявые плечи.

Вскоре опергруппа увезла задержанного.

Гурову случалось видеть, как светлели лица близких, когда он уводил человека. Однажды простоволосая женщина бежала за машиной, спотыкаясь, теряя тапочки с босых ног, и кричала:

– Благодетели! Только не выпускайте!

Но, как правило, за спиной оперативника оставались разрушения и ненависть. В большинстве случаев ни мать, ни жена не в курсе подвигов героя. Они – женщины, хранительницы очага – неожиданно теряют любимого, ненаглядного и единственного. И уводят его злые несправедливые люди.

Когда машина остановилась на Петровке, было уже около десяти утра. Сотрудники шли вереницей, по двое, по трое, здороваясь на ходу, так идут на работу во множество учрежде-

ний столицы. Контингент, правда, несколько специфический: почти нет женщин, а мужчины в основном молодые, и часть из них – в милицейской форме.

Светлов высадил из машины задержанного, повел не в центральные двери, а к железным тускло-серого цвета воротам. Парень шел спотыкаясь, оглядываясь, что-то высматривая в мире, из которого уходил, все еще надеялся проснуться, упрямо не веря, что его ведут в тюрьму.

Лицо у майора Светлова было отчужденное, как на фотографии в паспорте. Он смотрел вниз, профессионально фиксируя ноги конвоируемого. Холодные ворота приоткрылись, вышел постовой. Парень наконец уверовал, что сейчас перешагнет в другой мир, и забормотал:

– Не хочу! Не надо!

Он уперся в створ ворот. Сержант и Светлов не подталкивали его, даже не дотрагивались, но, взглянув в их лица, он затих, наклонил голову, заложил руки за спину и шагнул в тюремный двор. Светлов прошел следом, он нес соответствующие документы и, глядя в сутулившуюся мальчишескую спину, репетировал, что именно выскажет Гурову, когда останется с ним один на один.

Гуров с Борей поднялись на свой этаж, где их встретил Станислав Крячко. Он входил в группу Гурова и сейчас расхаживал по коридору, явно ждал приезда товарищей. Крячко еще не исполнилось тридцать, но выглядел он старше, был ниже Гурова ростом, шире в плечах. Крепкая полнота придавала ему солидность, литые щеки и хитроватый прищур карих глаз дополняли облик опытного оперативника. Сыщиком Крячко был хорошим, стоящим.

– Ну, как? – спросил он, не справившись о здоровье и опуская ненужные приветствия.

– Небо в алмазах, – ответил Гуров, повернулся к Вакурову: – В лабораторию. – Он кивнул на чемодан, который нес Боря.

Тот заторопился в НТО, Крячко нехорошо улыбнулся:

– Следователь прокуратуры уже ждет, я ей открыл ваш кабинет.

Гуров заметил улыбку, приостановился, Крячко улыбку убрал, смотрел недоуменно.

– Что торопимся – было ясно, говорено-переговорено. – Он развел руками.

Гуров молчал, держал Крячко взглядом, затем, неторопливо произнося слова, сказал:

– Слава, на моих ошибках ты никуда не приедешь. А доказательства причастности парня к преступлению будешь искать ты. Расстарайся.

– Рад стараться, товарищ майор! Благодарю. – Крячко вытянулся.

– Я другого ответа и не ждал, – сказал Гуров, словно не понимал откровенного ерничанья капитана.

Когда Гуров отошел и слышать уже не мог, Крячко, усмехнувшись, сказал:

– Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что.

Гуров не слышал, однако остановился, глянул через плечо и громко, на весь коридор, спросил:

– Не стыдно?

– Нет!

– Тебе легче. – Гуров пожал плечами, шагнул к двери своего кабинета.

Взаимоотношения капитана Крячко и майора Гурова не складывались. Год назад капитан пришел в МУР из районного управления, где считался лучшим оперативным работником. Он полагал, что ему сразу дадут старшего и группу. Однако начальник отдела полковник Орлов решил иначе и пригласил к себе Гурова. Они работали вместе около десяти лет, когда-то Лева был в группе Орлова.

– Левушка, – полковник знал, что Гуров такое обращение терпеть не может, но употребил его не со зла, а стремясь вернуть майора в прошлое, – к тебе в группу приходит новенький. Он настоящий оперативник, а не пацан Лева Гуров, которого когда-то получил я. Ты сядь, сядь, не каменей, а то ненароком в памятник превратишься. Я тебе цену знаю и ни с кем другим не

путаю. Кстати, один на один, приватно тебе пора называть меня на «ты» и по имени-отчеству. Мы такое право заслужили.

Лева сел, выдохнул и заулыбался, вспоминая их первую встречу, как утюжил его этот хитрющий мужик, а практически, кроме добра, Гуров от начальника никогда ничего не видел.

Орлов понял, что своего добился, и продолжал:

– Оперативника я тебе даю настоящего. В кадрах его рекомендовали на старшего, я поостерегся. Ты поработай с ним, приглядишься, скажешь, я ему группу дам. Иди, майор. – Орлов вышел из-за стола, чем окончательно добил Леву.

Уж чем-чем, а такой любезностью с подчиненными полковник Орлов никогда не отличался.

– Отделу очень старший нужен. – Орлов остановился у двери. – Я тебе верю, Гуров, возможно, больше, чем себе.

Подразумевалось, что Крячко проработает в группе Гурова месяца два-три. Однако прошел год, а положение не изменилось. Трижды Орлов спрашивал у Гурова: «Ну?» – и каждый раз Лева пожимал плечами и отвечал: «Оперативник он настоящий. Решайте». – «Ну, а ты бы как?» – «Я бы подождал».

Капитан Крячко отлично понимал, что его «держит» Гуров. И многие в отделе и управлении это знали.

Гуров вошел в свой кабинет – обычный служебный, какие можно увидеть в любом управлении. Ну, а для тех, кто дальше учительской и кабинета директора школы не ходил, поясню. Входишь – прямоугольная комната метров пятнадцать, в противоположной от двери стене – окно. Перед ним упершиеся в тебя канцелярскими лбами два однотумбовых стола, на каждом по лампе – выгнув пластиковые шеи, они готовы зажечь свой глаз, осветить поле боя, то есть бумаги, которые следует написать. Вообще оперативники тратят на работу с документами в сто раз больше времени, чем просиживая в засадах. Два телефонных аппарата, никчемный чернильный прибор – в его давно высохшем чреве держат скрепки. На стене красочный календарь – лакированная стюардесса во всем голубом, заученно улыбаясь, приглашает в полет. Гуров, возможно, с большим удовольствием поглядывал бы на японочку в бикини, но не положено.

За столами в углах по сейфу, цвет их легче всего определить как облезлый, однако ручки из нержавеющей стали и потому блестят. Достопримечательностью кабинета, гордостью Гурова и предметом зависти соседей является диван, он стоит вдоль правой стены. У него высокая спинка с кокетливой резной полочкой, где должны выстроиться слоники и лежать бумажные алые розы, покрытые валики и бугрящееся пружинами сиденье. Все сооружение обтянуто коричневым, пятнистым от протертостей дерматином. Есть подозрение, что в молодости диван был из натуральной кожи, но люди ее содрали для своих нужд. Диван не человек, такое надругательство выдержал, не помер и обзавелся новой кожей, точнее, заменителем.

Этот кабинет Гуров делил с Борей Вакуровым.

Сейчас за столом лейтенанта сидела девушка в прокурорском мундире и читала журнал. Своей свежестью, ухоженностью легких волос она походила на свою сестренку из Аэрофлота. Следователь прокуратуры Добронравова Александра Петровна была человек строгий, принципиальный и неопытный.

– Утро доброе, – сказал Гуров.

– Доброе, Лев Иванович, – ответила следователь, отложила журнал. – Ну как? Что дал обыск?

– Труп мы найти не рассчитывали, он у нас уже есть. Орудие убийства тоже имеется. – Гуров положил перед следователем папку, расстегнул ее, разложил документы. – На одной рубашке бурые пятна. Даже если наука докажет, что это кровь...

– Вы повторяетесь, – перебила следователь и начала читать документы. – Ветрин соучастник преступления?

– Видимо, соучастник, – вздохнул Гуров, разговор велся не впервые и изрядно ему надоел. – Только доказательств у нас нет и не предвидится. И оттого, что я надуваю щеки и гляжу на товарищей своих грозно, вряд ли что изменится.

– Материала для того, чтобы привести Ветрина в сознание, достаточно. Распорядитесь, пусть доставят, я проведу допрос.

– Может, сначала побеседовать нам, оперативникам? Мы в курсе его окружения, привычек, характера. У меня есть очень сильный парень, – сказал Гуров, имея в виду Станислава Крячко.

– Будем придерживаться закона, – ответила сухо следователь. – Дело ведет прокуратура.

– Вы можете дать нам поручение, все будет по закону, – вяло, не веря в успех, сказал Гуров.

– Я вас попрошу, Лев Иванович, распорядитесь. – Следователь положила перед собой протокол допроса.

– Вы будете допрашивать, сидя за этим столом? – спросил Гуров. – Тогда парень сядет вот здесь. – Он отодвинул стул для посетителей чуть в сторону, сел на него, окинул взглядом следователя. – Хорошо?

– Мне приятна ваша забота, Лев Иванович. – Следователь впервые улыбнулась. – Парень не психический и не разбойник, можете не волноваться.

– Я совсем о другом, Саша. – Гуров вздохнул и взялся за телефон, позвонил в изолятор.

Вскоре конвойный привел Ветрина. Лева взглянул оценивающе, увидел, что парень не «развалился», как это случалось, а наоборот – собран и зол. Наверно, смирился с арестом, прикинул, что конкретно ему могут предъявить, и приготовился к борьбе. Гуров вообще его сегодня не стал бы вызывать, дал бы остыть. Разговаривать с ним лучше завтра, к вечеру, когда он решит, что день уже прошел, и разоружится.

– Ну что же, Ветрин, садитесь, – сказала следователь. – Давайте знакомиться...

Гуров вышел, и знакомство состоялось без него. Он был крайне недоволен собой. Арест, обоснованный юридически, практически делу вредил. Убийца арестован, сознался, вина доказана, но группа лишь вырисовывается, главарь в темноте за дверью. По имеющимся оперативным данным, в группе болтается пистолет, возможно, системы Макарова, возможно, связан с другим серьезным и еще не раскрытым преступлением. Пацан Ветрин явно в группе с самого краешка и знает мало. Доказательства причастности к убийству только выглядят серьезно, копнешь – и все развалится. И вообще, какого черта его надо было задерживать? Следователь сказал! Ты, Гуров, хоть сам себя-то не обманывай. Или тебя в прокуратуре не знают? Или к генералу Турилину нельзя обратиться? Он бы на своем уровне вопрос решил. Не уперся, не написал обстоятельный рапорт. И правильно Станислав Крячко на тебя смотрит – был конь, да изъездился. На компромиссы идешь, Гуров. Мол, они приказали, они и ответят. Кто? Сашенька? А дело, а пистолет, а главарь? Это чья работа, Гуров?

Оставив следователя с задержанным, Лева пошел в столовую.

Сидя на шатком стуле, он ел сыр с черным хлебом и запивал из граненого стакана теплой жидкостью, которую работники столовой именовали чаем.

Лева вспомнил, как переехал в Москву и пришел в МУР. Орлов, тогда подполковник и старший группы, принял его неласково. Сегодня Гуров понимает, что раздражавшая его манера подполковника казаться неотесанным, малокультурным человеком была лишь защитной маской. Приход полковника Турилина на должность начальника отдела остановил продвижение Орлова, что было не только обидно, но и крайне несправедливо. Петр Николаевич давно перерос свою должность, и сейчас Гуров знает, как Орлов себя чувствовал в те дни. Вскоре он, быстро проскочив должность зама, возглавил отдел и стал самим собой: не хитрым, а мудрым, когда можно – простым в обращении, при этом всегда соблюдая дистанцию как с начальством, так и с подчиненными. Он уважал и ценил Гурова, хотя внешне это проявлялось редко,

проскальзывала порой насмешливо-покровительственная отцовская нотка. И уж, конечно, он абсолютно несправедливо оценивал Гурова как профессионала в тот год, когда Лева пришел в МУР. Гуров еще не был асом, но как розыскник он уже состоялся, и доказательством тому было его первое крупное дело, работа по убийству писателя Ветрова. Но Петр Николаевич Орлов родился в МУРе, прожил здесь более тридцати лет и уверовал, что настоящие профессиональные розыскники могут быть только здесь, а вне этих стен работают люди разве что способные. Сделав подобное признание, Орлов морщился и переводил разговор на другую тему.

Изменился за эти годы и Гуров. В нем появилась начальственная требовательность, хотя старший группы совсем не большая шишка, а так – бугорок, точнее, рычажок. Нажимая на старших, руководство приводит в действие весь механизм. В армии таким рычагом является старшина – не по званию, а по должности. Каков старшина, такова и боевая единица. Невелик начальник, а ближе, роднее и страшнее старшины для бойца никого нет. Так и для оперативника: начальники управлений и отделов есть высокое начальство, а старший группы – и твой товарищ, и твоя судьба. Он тебя видит и знает до доньшка с твоей силой и слабостью, с ним не пройдет ни хитрость, ни ловкачество. Руководство смотрит на тебя его глазами, и никуда ты от него не денешься.

Гуров удерживал продвижение капитана Крячко не из корыстных побуждений, как считали многие. Мол, зачем сильного оперативника отпускать на сторону, когда он в твоей упряжке отлично тянет. Гуров не доверял ему. Объяснить свои чувства он не мог даже себе. Возможно, здесь сказывалась разность характеров. Сам Гуров не решался идти на повышение, а Крячко рвался и не скрывал этого.

Вообще, у Льва Ивановича Гурова наступил тяжелый период. От непосредственной, конкретной оперативной работы он начал уставать. Не физически, а морально уставать. Порой Лева казалось, что от него самого дурно пахнет. Исключение составляла недавняя работа в командировке, когда он, разыскивая убийцу, столкнулся с Павлом Астаховым, его тренерами, товарищами по спорту. Там был лишь один урод, а все остальные – конечно, разные, со всячинкой, – но в главном прекрасные, чистые и сильные люди. Основное же, с чем майор Гуров сталкивался ежедневно, – ложь, кровь, зависть и уж почти обязательно водка и сопутствующие ей психические аномалии.

И Гуров от такой жизни устал. Предлагали повышение, но он боялся. Не ответственности и не того, что не справится. Он боялся бесчисленного количества бумаг, которые обрушатся на него, непрекращающихся оперативок и совещаний, а главное, того, что розыскную работу он станет выполнять чужими руками.

Возможно, его сомнения и нерешительность объяснялись обыкновенной гордыней? С первого взгляда должность заместителя начальника престижнее и уж совершенно точно – лучше оплачивается. Однако! Работает себе в розыске старший уполномоченный майор Гуров, пашет, как двузильный конь, – почет ему и уважение, всяк – ему поклон и здрасьте, от постового до начальника управления. А каким он еще будет замначем? Неизвестно. Затеряться среди чиновников с папками очень даже легко.

Да, жизнь его оказалась на переломе – на службе и в семье. Факт бесспорный. То ли вверх, то ли вниз, а может, на месте застыть и ждать, пока все само образуется?

Он вспомнил отца, который ему однажды говорил: «Сын, если тебе предстоит дальняя дорога, не пытайся заглянуть за горизонт, споткнешься о первый пенек. Ставь вешку, ставь не далеко и не близко – так, чтобы и перспектива наличествовала, и видна была вешка отчетливо. Иди к ней небыстро, однако уверенно и с достоинством. Когда дойдешь, переставь заново – и в путь. Главное – неумолимость движения».

Гуров переставлял вешки и шел вперед. Разыскать одного, задержать другого, уличить третьего. Это его предназначение, место в жизни? Пройдут годы, десятилетия, он оглянется, что увидит? На что ты, Лев Иванович, потратил свою жизнь? Можно ответить плакатно-напы-

ценно, мол, защищал добро от зла. Только добро в его жизни абстрактно, как бы за кадром, а зло конкретно, все время рядом, сталкиваешься с ним ежедневно, разглядываешь и изучаешь. И требуется от тебя все меньше фантазии, больше профессиональных навыков.

Десять лет назад Гуров приходил в семью, где произошла авария, искал место прорыва наугад, на ощупь, методом проб и ошибок. С фантазией у него было всегда хорошо, опыт он приобрел. Сегодня он словно слесарь-сантехник, у которого в огромной сумке памяти имеются почти любые инструменты и приспособления.

Поставив диагноз, определив характер повреждения, вынимаешь из прошлого нужный ключ или блок – практически все повторяется, ты уже с такой ситуацией сталкивался, – налаживаешь, закрепляешь и уходишь. Так всю жизнь и будешь латать и подтирать? Конечно, люди должны жить в чистоте и уюте, в покое и душевном комфорте. Все правильно, только тебе от этого не легче.

Уже не в первый раз Гуров себя одернул.

«Не раздражаться, не считать свою судьбу особенной, жизнь – исключительной. Никаких компромиссов, но без наглости», – решил Гуров, вышел из столовой и направился в кабинет.

Мимо провели Ветрина. Гуров глянул на него мельком и понял, что следователь Сашенька победы не одержала.

Когда он вошел, Сашенька уложила протокол допроса в папку, застегнула ее, открыла сумочку, достала зеркальце и все прочее, что делает женщину такой привлекательной в ее собственных глазах.

– Значит, недолго музыка играла, – сказал Гуров. – Вы хотели дать преступнику бой, а парень занял давно известную позицию: не знаю, не помню, не видел.

– Вы вроде довольны? – Сашенька занималась своим лицом и на Гурова не смотрела.

– Отчасти доволен.

Все орудия производства посыпались в сумочку, щелкнул замочек, Сашенька подняла на Гурова не доведенное до совершенства лицо:

– Как вас понять, Лев Иванович?

– А просто, Александра Петровна, как я сказал, так и понимайте. Что мы в работе застряли – плохо, а что вы свою ошибку увидели и больше, я надеюсь, не повторите, хорошо.

– Какую ошибку? – Сашенька, не опуская лица и глядя прямо на Гурова, заплакала.

Гуров поставил перед ней стакан воды, сел напротив и, повернувшись к окну, начал монолог. Ждал, пока девушка успокоится, и разговаривал сам с собой.

«Девочка, а что, собственно, произошло? Ну, поторопились с задержанием. Виноват-то больше я, потому как за все отвечает старший. И хоть ты и следователь прокуратуры, а работаешь год, а я – двенадцать. Ты красива, в нашей работе это недостаток. У женщин ты вызываешь ревность, мужчины не хотят видеть тебя победительницей. Тебе необходимо убрать косметику, найти свой голос, тональность в разговоре. Ты думаешь, к чему я здесь вертелся, отставлял стул, садился на него? Я проверял, будет ли парень во время допроса видеть твои нейлоновые колени. Это не пошлость и не мелочь – это профессионализм. Когда нам необходимо беседовать с молодой женщиной, то делает это не Крячко и не я, а либо Боря, либо Светлов. Ведь к чему сводится беседа? К предложению раздеться, обнажиться, сдать. Мы со Станиславом для молодой женщины неприятны вдвойне. И милиционер, и молодой мужик, буду я перед таким унижаться! Да пусть он удавится на своих доказательствах, а я не знаю, не видела, не помню. А Боря еще пацан, а Светлов вроде как отец. С ними можно и доверительно разговаривать, и пожаловаться, и всплакнуть.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.